

Моск. правда - 1996 - 27 марта - С. 7.
**Венера пришла
в мансарду**

ПРЕМЬЕРА-НЕВИДИМКА

Среди бездомных театров, кочующих по чужим площадкам, есть весьма и весьма любопытные. И весьма талантливые. Их нельзя не заметить. О них пишет критика. Однако крыши над головой у них от того не возникает. Разве что кто-то из своих же коллег протянет дружескую руку.

На страницах «Московской правды» я уже неоднократно писала об очень интересном режиссере Анатолии Ледуховском и его частной труппе. Его знают за рубежом, куда неоднократно приглашали отнюдь не по государственным каналам, но почти или во всяком случае весьма мало знают в Москве и России. И можно только поражаться упорству и терпению, с которыми он продолжает работать на том высоком уровне, что определил себе сам, не унижаясь до заигрывания с

сти в мир доброту и нежность, сострадание и любовь. А героини Е. Козельковой в спектаклях А. Ледуховского попирают все общепринятые этические нормы, все нравственные законы.

Радиоверсия «Венеры в мехах» была подступом режиссера к созданию уже зримого, а не только звучащего в эфире спектакля. И он родился в середине нынешнего сезона, как всегда у Ледуховского, строгий, лаконичный, откровенный до жестокости, тончайший по своим нюансам, полутонам, как бы мимолетным, а на самом деле точно расставленным акцентам.

«Венера в мехах». Игровая модель романа Леопольда фон Захера-Мазоха. Пьеса и постановка - Анатолий Ледуховский - так значит в программке, отпечатанной на машинке (на типографию денег не хватило). Художник Сергей Бархин взял на себя роль продюсера, предоставил свою мастерскую в мансарде под «театр». Крохотная комната, где от силы размещается два

публикой, способной валом валить на мужской заезжий стриптиз, платя по 500 тысяч за билет. (Пример взяла не с потолка. На сцене Театра оперетты прошло такое «шоу» в день 8 Марта - подарок московским женщинам).

Анатолий Ледуховский строит свой театр - психологической трагедии. Не пафосной, не романтической, а рожденной в самых глубинах человеческого сознания и израненной, часто больной души. Для своих спектаклей он долго и тщательно подбирает актеров с особым, тончайшим душевным и эмоциональным настроем, амплитудой передачи чувств от палаческой жестокости до ангельской нежности. И пьесы «раскапывает» соответствующие: нигде, никем, никогда не востребованные. Так, в сезон 1992-1993 годов в репертуаре его труппы возникла «Маркиза де Сад» японского драматурга Юкио Мисимы, в которую на сложнейшую роль графини де Сен-Фон он пригласил из «Современника» Елену Козелькову. Сам маркиз де Сад на сцене не появляется, зато графиня де Сен-Фон блистательно интерпретирует его философию. Е. Козелькова стала притягательным центром спектакля, его наивысшим достижением.

После этого А. Ледуховский надолго исчез из поля зрения. Готовился к новой работе. На этот раз было радио. С Е. Козельковой он сделал радиоспектакль по роману Леопольда фон Захера-Мазоха «Венера в мехах». У Мисимы была философия садизма, здесь - мазохизма. Только не надо думать, что Ледуховского тянет на извращенность психики и чувственности. Он - исследователь. Ему важно вскрыть и понять истоки аномальности человеческого сознания. Психики женской, которой по всем законам естества положено, казалось бы, не

десятка стульев для зрителей, крохотное игровое пространство для актеров. Пол, стены - все затянато черной тканью. Из оформления только пара стульев да зеркало на маленьком столе. Луч света выхватывает из темноты лица, силуэты фигур. Трое персонажей: Она - Е. Козелькова - женщина-дьявол, умная, вибрирующая, как туго натянутая тончайшая струна, манящая и отталкивающая своей холодной рассудочностью, чувственная и жестокая, таинственная и обжигающая; двое мужчин - ее жертвы, добровольно сдавшиеся ей в сладостно-мучительное рабство. Он - Евгений Герчаков - навсегда утратил свое «я», покорившись магической власти этой женщины. Второй - Михаил Голомзин - фигура менее отчетливая, пока что нужная Ей больше для унижения и уничтожения Первого, для полного торжества Ее владычества над своими рабами.

Казалось бы: мы присутствуем на двухчасовой психологической пытке одного человека другим. Но мастерство актрисы столь блистательно, переливы ее состояния столь бесконечны, что пытка превращается в наслаждение, и, кажется, начинаешь понимать мужчину, отдающего себя на произвол этого чарующего демона. Е. Козелькова купается в своей роли, увлекая за собой зрительный минимал. Но, наверное, тем и хорошо это помещение, что можно видеть мгновенно меняющееся выражение глаз, слышать не только прерывистый шепот, но и страстное дыхание, быть как бы внутри действия. Колдовской, обжигающий спектакль. Бездомный спектакль.

Наталья БАЛАШОВА.

На снимке: Е. Козелькова и Е. Герчаков.

Фото О. НАЧИНКИНА.